

3. Я. Можейко

КОЛЯДА В БЕЛОРУССКОМ ПОЛЕССКОМ СЕЛЕ¹

Народный термин *коляда* издавна ассоциировался у полешан (и крестьян других районов южной и центральной части Белоруссии) с традиционными зимними праздниками: Рождеством, Новым годом и Крещением, когда пелись приуроченные к ним величальные поздравительные песни. Песни исполнялись перед каждым домом во время традиционного для этих праздников обхода дворов (колядки перед Рождеством и щедровки перед Новым годом).

В том же значении термин *коляда* сохранился и в современных полесских селах, но естественно, что в отношении полешан к этим традиционным зимним праздникам появились новые оттенки.

Мы не знаем, когда начали бытовать колядки и щедровки в качестве песен, приуроченных к традиционному зимним играм, но их описания содержатся в работах собирателей и исследователей быта дореволюционной белорусской деревни еще прошлого века.

Аналогичные сведения о колядках и щедровках есть и у исследователей украинской песенной культуры².

В быту современного полесского села коляда — любимая зимняя игра, своего рода сельский карнавал, в одинаковой мере увлекающий молодежь и людей пожилого возраста.

В экспедициях неоднократно приходилось наблюдать горячие споры между крестьянами полесских сел и местной интеллигенцией (культработниками, учителями), которая чаще всего относит колядки и щедровки к религиозным песням, а сам обычай колядования и щедрования считает проявлением культурной отсталости сельских жителей. В то же время, например, крестьяне с. Тонеж — одного из замечательных очагов полесской песенной культуры — горячо возражали против обвинения их в побирании, попрошайничестве и активно отстаивали «свои права» колядовать и щедровать: «Нельзя закрывать эту моду, она повелась с колишнего (издревле). Это же не то, что хлеба у нас нет, а поем потому, что без коляды вся зима скучная». В других полесских селах, как Бучка, Глушкевичи, Клетная, Семигостевичи, крестьяне «оправдывались» против обвинения их в бескультуре³: «Колядуем потому, что нам надо за что-нибудь зацепиться, чтобы погулять».

Решительно возражали колхозники всех обследуемых нами полесских сел и против какой-либо связи обычая колядования с религиозными предрассудками. Старые женщины-колядницы рассказывали нам, что в дореволюционном селе поп боролся с этим обычаем («выводил из моды коляду»), мотивируя свою борьбу тем, что колядование отвлекает крестьян от церкви и церковных рождественских песнопений. Кстати, в современном селе эти церковные песнопения мало кто помнит. «В церкви пели набожно, по-книжному, а мы свое, простые песни» — объясняют старые женщины-колядницы.

¹ В основу статьи положены материалы стационарного обследования белорусского полесского с. Тонеж, а также непосредственные наблюдения над музыкальным бытом других полесских сел, которые проводились автором в экспедициях 1963—1968 гг.

² А. Потебня, *Объяснение малорусских и сродних народных песен*. II. Колядки и щедровки, Варшава, 1887, стр. 48.

³ Характерно, что и в тех (как правило, менее песенных) полесских селах, где наблюдать обычай колядования нам не удалось, воспоминания о коляде как веселом празднике живы в сознании крестьян, и последние откровенно сожалеют, что «такое веселье совсем уничтожается».

Колядная игра в селах белорусского Полесья делится на два этапа: 1) собственно колядование; 2) колядное пиршество.

Игровой тон «зимних святок» начинается с момента подготовки к колядованию. Каждый сельский житель становится участником своеобразного карнавала: будь то активный участник, «артист», будь то слушатель и зритель, который, однако в любой момент может перейти в активные участники игры. Кульминация этого стихийного карнавала наступает в момент собственно колядования «перед Рождеством».

Так же как в свадебной игре, в колядной игре имеются традиционные участники. Главные из них — это запевала «обходных»⁴ песен, а также центральная фигура ряженных — коза — один из лучших колядников-«артистов», одетый в вывернутый козюх, к которому прикреплена сверху сделанная местными мастерами голова козы с бородой, рожками и даже в очках.

По нашим наблюдениям, в селах Тонез и Букче колядников с козой зазывают во все дома, так как всем интересно посмотреть «как представляет коза».

Как «обязательную программу» коза должна выполнить все основные действия, о которых говорится в специальной песне-колядке⁵ (зотный пример № 1)

Го-го-го каза,
го-го-го-гера,
дзе-ж ты, козанька,
дзе ты бывала?
— Я у бары-бары
ягадкі брала
Як прыбег ваўчок,
Ухапіў козаньку,
а ваўчанята за казенята.
— Як ты, козанька,
як ты крычала?
— Так я крычала
Ме-ге-ге-ге-ге.
— Як ты, козанька,
як ты ўцякала?
— Так я ўцякала
туп-туп-туп-туп-туп.
Го-го-го каза,
го-го-го гера,
не хадзі, каза,
пад гэта сяльцо.
Пад гэтым сяльцом
чатыры стральцы
радзяцца іці
козаньку ўбіці.
Козаньку ўбіці,
шкуру аблупіці.
Сапагі пашыці,
да шчэй знасіці.
Ты, стара казішча.
Стань да расходзіся,
Стань расхадзіся,
Развесяліся.
Старшаму хазяіну
У ногі пакланіся,
Шчэй гаспадыне,
Штоб добра дарылі.

Коза наклоняется пониже,
имитируя собирание ягод.

Козу обступают со всех
сторон.

Коза кричит.

Коза изображает бег,
топая ногами.

Коза падает.

С козы снимают козюх.

Коза кланяется хозяину.

Коза кланяется хозяйке.

⁴ «Обходными» песнями белорусские крестьяне называют песни величально-приветственного и шуточного характера, которые в определенные традиционные праздники поются под окнами односельчан (с этими песнями обходят дворы). На юге Белоруссии — это колядки и щедровки, которые поют в ночь перед Рождеством и Новым годом. На севере Белоруссии — это воловьи песни, поющиеся весной, перед Пасхой. На Украине песни поздравительно-величального характера, с которыми в «зимний праздничный рождественско-новогодний период» крестьяне «обходят дворы», отмечает К. Квитка, хотя термин «обходные песни» он не употребляет (см. рукопись его очерка «Колядки», Архив кабинета народной музыки Московской государственной консерватории).

⁵ Интересно, что в русских местностях песни о козе бытуют как детские (см. П. Шейн, Великорусс в песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и

Рис. 1. Идут колядники
(фото И. Романовского)

Рис. 2. Коза представляет
(фото И. Романовского)

В конце песни изображающий козу пляшет под дудку (укр. сопилка), если она имеется у колядников, или же «под язык» (имитация голосом инструментального наигрыша, весьма распространенная в пении частушек без гармошки).

Если коза пляшет, кланяется и вообще движется недостаточно активно, ее погоняет палкой колядник-«дед».

В наиболее песенных селах, таких как Тонеж, Бучка, Глушкевичи, установились даже своеобразные соревнования колядников, чей «гурт» (группа певцов) больше накалидует (соберет даров).

Каждый гурт колядников старается заполучить себе известных на всю деревню старых колядниц-мастериц, знающих много вариантов колядок или, если это невозможно, хотя бы «проконсультироваться» с ними.

Неумение спеть вариант колядки по заказу хозяина считается большим позором для колядников и надолго «дисквалифицирует» их гурт.

В особенности сказанное относится к пожилым колядникам. Если для подростков вполне допустимо знать только основные бытующие в селе два-три варианта колядок, главным образом для хозяина и хозяйки дома, то пожилые колядники должны строго дифференцировать варианты колядок при их пении любому члену семьи хозяина. При этом нередко между хозяином и колядниками образуется своеобразный поединок, напоминающий свадебный поединок дружек невесты и жениха. Только на свадьбе дружки невесты и жениха «корят» друг друга песнями; а в наблюдаемой нами колядной игре поединок между хозяином и колядующими заключается в том, что хозяин и члены его семьи (если они видят, что колядники пришли их дразнить) стараются, по словам колядующих, «сбить их с толка», задавая им менее известные в селе варианты колядок, адресованные старой бабе, деду, животным и даже предметам домашнего обихода. Колядующие, в свою очередь, стараются выйти из этого поединка с честью, напевая по возможности больше шуточных вариантов, часто на ходу импровизируя новые, более злободневные строчки текста, «корящие» хозяина.

С вечера и до глубокой ночи звучат в песенных полесских селах «обходные» песни, величально-поздравительные и шуточные; в разных концах сельских улиц со всех сторон доносятся традиционные восклицания: «Добрый вечер вам, загадайте песню нам». Побеждает тот «гурт», который может напеть большее количество вариантов песен-колядок всем членам семьи хозяина дома, а также тот, у которого наиболее изобретательны на выдумки ряженные: коза, дед, журавль...

Слава этого «гурта» долго живет среди народных певцов села. А сами «гуртовщики» рассказывают не без гордости о своей победе: «Колядовали и представляли так, что не могли пирогов принести, торбу от земли оторвать».

Все песни колядки, бытующие в современном полесском селе, можно подразделить по их общественному назначению на две группы: 1) колядки величального характера, колядки-приветствия, с пожеланиями хозяину добра и довольства и 2) колядки шуточного характера, колядки-«дразнилки».

Пение под окнами первых — дань уважения хозяину и членам его семьи. В поэтических текстах этих колядок постоянно воспеваются трудолюбие хозяев; некоторые из них — настоящий гимн труду и природе. Во многих колядках хозяину на первый план выступают исторические мотивы, отголоски многочисленных войн, которые приходилось вести народам этих местностей. Особенно часто в подобных колядках упоминаются татары и турки. Так, в поэтическом тексте самой распространенной на Полесье колядки хозяину «слаўны панічок» конь упрекает хозяина за то, что хозяин хочет продать его в чужую сторону, такими словами:

...Не прайдай мяне, да здумай ты тэ (вспомни то)
Як былі цябе туркі абнялі,
Туркі абнялі, шчэй з татарамі,
А я і скочыў, дай пераскочыў,
Не замачыў я ні ясень сядла,
Ні ясень сядла, ні цябе малайца

т. п., т. I, СПб., 1900, стр. 13), в отличие от Белоруссии и Украины, где песни о козе, разыгрываемые ряженными в целую сцену, закреплены за традиционными «зимними святками».

А вот еще одна распространенная на Полесье колядка хозяину:

...Пакінь муляваць, ды ідзі ваяваць.
Ужэ-ж ваю дзевачку татары ўзялі.
Я-ж тых татарау мячом пасяку,
Я-ж тую дзевачку за себе вазьму.

Упоминание о татарах или турках встречаем мы и в лирических колядках-приветствиях хозяйке. Примером такой колядки может послужить колядка о трех (или семи) загадках, загаданных девушке. Она имеет поэтические и мелодические варианты среди лирических песен белорусского Полесья, а также Украины.

В большинстве колядок-приветствий молодой девушке вдохновенно воспеваются ее красота:

Ой красна, красна каліна ў лузе,
А красней таго Галечка ў мамкі,
Па двару хадзіла, ўвесь дом красіла,
А ў сені ўвышла, сені заззялі,
А ў хату ўвышла, паны ўставалі,
Паны ўставалі, шапкі знімалі,
Шапкі знімалі, ў яе пыталі:
— Ці ты цароўна, ці каралёўна?

Распространены в колядках-приветствиях и свадебные мотивы, что сближает их по тематике с веснянками.

Вторую группу колядок, весьма распространенных в современном полесском селе, составляют колядки-«дразнилки». Они охватывают собой и собственно шуточные колядки, и переосмысленные в шуточные «серьезные» колядки (с нешуточным текстом).

Собственно шуточные колядки чаще всего адресованы старикам (деду, бабе):

Ой ты, бабачка, стара галачка,
На печи сядзі, нічога не рабі.
Чорны валішчэ, той дроу прывязе,
А кавянішчэ, то жар заграбе,
А памялішчэ, то печ замяце,
А дзеркачышчэ хату прыбярэ,
А ты, бабачка, стара галачка,
На печи сядзі, чырвонцы лічы (считай деньги).

Если колядки с шуточным текстом были распространены и в дореволюционном полесском селе, то переосмысленные в шуточные «серьезные» колядки получили свою новую жизнь уже в селе современном.

В особенности распространена в современном полесском селе «колядная критика» хозяев методом от противного: скупого как щедрого; ленивого как работающего; угрюмого как веселого и т. д. «Однако они (хозяева.— З. М.) хорошо знают, кому мы серьезно поем, а над кем смеемся»,— поясняют колядники.

Примечательно, что аналогичное название имеют и некоторые волочебные песни, бытующие в северных районах Белоруссии. Так, по рассказам крестьян из сел Аношки, Замощье, Столюги Лепельского района Витебской области, волочебники ждут традиционного дня когда поются волочебные песни, чтобы покритиковать того или иного односельчанина. Все крестьяне села с интересом ждут, что кому споют в этот день. За волочебниками ходит свита односельчан. Иногда они, опережая волочебников, бегут предупредить хозяина («К тебе волочебники идут»), чтобы тот приготовился слушать. В этом плане интересно также приводимое В. Елатовым сообщение жителей дер. Ковали Сенненского района Витебской области о том, что вместе с волочебными песнями под окнами нерадивых односельчан-колхозников исполнялись сатирические частушки на тему колхозной жизни⁶.

Для колядок, критикующих односельчан, отбираются тексты, которым, благодаря соответствующим образом, легко может быть придано юмористическое значение. Например, для девушки, которая, по словам колядников, особенно «гонится за женихами», группы колядующей молодежи поют колядки о несметном количестве сватов:

...Первыя сваты, што за лугамі
Другі сваты, што за вароцьмі,
Трэція сваты, што у хаце сядзяць...

⁶ В. Е л а т о у, Ад песні да песні, Мінск, 1961, стр. 37.

В селах Тонеж, Букча, Глушкевичи особой любовью у колядников пользуется традиционная колядка:

Пане-гаспадар, бог цябе заве,
Бог цябе заве, дар табе дае,

текст которой дает возможность многооттеночного юмористического смещения. «Гурты» пожилых женщин обходят с этой колядкой не один дом, со смехом распевая о различных «дарах божьих»: нерадивому конюху бог дарует «вараных коней», растерявшему в лесу скот пастуху — «рахманных» валов, хозяину со сварливой семьей — «семью роунац, дай пакорную» и т. д.

Но что бы ни спели колядники хозяину и какие бы хлопоты ни причинила ему молодежь своими играми, обычная житейская обида в эти дни не должна иметь места.

В карнавально-игровой атмосфере каждый вправе свободно веселить себя и других. Нередко встречающиеся в традиционных колядках имена святых при этом также снижаются до житейского уровня, и в обращении с ними господствует вольный, непринужденный тон, лишенный даже тени благоговения. Возвышенный тон высказывания о «святых праздничках» сменяется буднично-деловым перечислением «даров», которых ждут от хозяина колядники:

...Ужо-м мы песеньку даспявалі,
Святыя празнічкі праважалі.
Адзін празнічак — свято рождество,
Другі празнічак — новы гадоцак,
Трэці празнічак — свято крашчэнне.
Баці сварыўся, как не барыўся,
Маці казала, каб далі сала,
Мерачку аўса, наверх каўбаса,
Сала паласа, песенька уся.

После обхода домов с песнями-колядками (собственно колядования) наступает второй этап колядной игры — пиршество. Чем больше наколядует (соберет в мешок даров) тот или иной «гурт», тем роскошнее пиршество. Обычно к группе колядников присоединяются слушающие и одаривающие их соседи-односельчане. Нередко в одну беседу-пир объединяются несколько «гуртов» колядников. Как и обход дворов, колядное пиршество отличается карнавально-игровым настроением. И здесь на первом плане — лучшие колядники-«артисты». Поддерживаемые всей компанией, они рассказывают забавные истории из своей жизни и жизни знакомых, высмеивают недостатки односельчан, разыгрывая в лицах комические сценки.

В отличие от собственно колядования, на колядном пиру позволительно петь любые песни, однако преобладают здесь песни юмористического характера. Среди них немало создающихся экспромтом сатирических частушек и песен, в задорно остром тоне высмеивающих недостатки в работе местных организаций; неправильную оплату трудней, волокиту в работе, покровительство недобросовестных работников и т. д. Весьма примечательна в этом плане юмористическая песня, записанная автором на колядном пиру-беседе в с. Тонеж, в январе 1967 г. В песне остро и вместе с тем по-карнавальному задорно высмеивается правление местной конторы во главе с бригадиром, который за самого гостя простит воровство:

(Нотный пример № 2).

Я на гарэ жыта жала,⁷
А у далі не снапы клала.
Што наклала, то й пацерла,
Узяла у торбу, дай паперла.
Як приходжу я да сяла,
Сустрэкае там старшыня.
Сустрэкае там старшыня,
Да й пытае — дзе-ж ты была?
— Я на гарэ жыта жала,
Трохі сабе абамяла.

Як павялі да каморы,
А з каморы да канторы.
А з каморы да канторы,
Састаўляюць пратаколы.
Старшыня кажа — судзіці,
Брыгадзір кажэ — прасціці.
Брыгадзір кажа — прасціці,
Бо не будзе ў каго піці.
Я-ж то жыта прарасціла,
Самагонкі наганіла.
Самагонка удалася,
Уся кантора напілася.

⁷ Первое полустихие каждого стиха повторяется дважды.

Общественная функция поющих в ночь под Новый год щедровок аналогична колядкам.

Новогодний и крещенский праздники в современном селе продолжают то игровое настроение, тон которому задает рождественский праздник.

Весьма примечательно, что в понятие «коляда», объединяющее традиционные зимние праздники, крестьяне полесского села включили и современный Новый год. Характерный в этом отношении пример являет собой новогодний праздник в с. Тонеж, где традиционные и новые обычаи переплетены в одном красочном карнавальном потоке. Новогодний бал-маскарад в сельском клубе в ночь с 31 декабря на 1 января молодежь заканчивает гаданиями-играми на улицах и у себя дома. А возле большой нарядной елки, установленной на центральной площади села, веселят односельчан ряженые, в центре которых — неизменные коза и дед.

Пение «обходных» песен, колядные пишествия и представления ряженных органически дополняют игры и гадания. В современном полесском селе в особенности распространены игры, демонстрирующие ловкость и сметливость их участников. Так, по сообщению жителей из с. Глушкевичи, любимой колядной игрой молодежи этого села является игра «в цыган». Переодевшись в наряд, близкий цыганскому, и стараясь подражать манере цыганского говора, группа молодежи заходит к какой-либо хозяйке дома и, отвлекая ее всевозможными разговорами, похищает у нее какой-нибудь необходимый предмет домашнего обихода (метлу, сковороду, чепелу...). Хозяйка, в свою очередь, делая вид, что внимательно слушает «цыган», старается поймать их в момент похищения и высмеять их неловкость.

В большинстве колядных игр и во всех гаданиях на первый план выступают свадебные мотивы. Так, похищенный «цыганами» предмет домашнего обихода обычно подбрасывается в тот дом, где живет предполагаемая невеста (или жених), которая в будущем должна породниться с семьей обманутой хозяйки. Хозяйка, у которой вечером были «цыгане», посылает утром сына за пропажей в дом предполагаемой невесты, чем приводит его в смущение и вызывает смех у всех присутствующих⁸.

Бытование рассматриваемых нами зимних календарных песен, равно как и их музыкально-стилевые особенности, типичны для песен, строго приуроченных к определенному времени и обстоятельству. Песни эти возникают в сознании именно в данное и только в данное время, являясь своеобразным музыкальным символом определенного эмоционального состояния.

Во время летних экспедиций нам удавалось записать лишь очень немногие варианты бытующих на Полесье колядок и щедровок.

На просьбу спеть колядку певцы неизменно возражали: «коляда ведется, когда мороз трещит, а сейчас солнце печет»⁹. В прошлом такое строгое соблюдение установленной традиции было связано не только с боязнью общественного осуждения, но, вероятно, в какой-то мере и со страхом совершить грех.

В современном селе в результате отмирания религиозных предрассудков боязнь греха за неправильное выполнение обряда уже утрачена. Но нарушение традиционного порядка сельскому жителю представляется таким же противостественным, нелепым и смешным, как, скажем, появление в жаркий летний день человека в шубе. Когда после уговоров и объяснений как певицам, так и всем присутствующим, что у собиравших нет возможности приезжать за каждой песней в соответствующее время года, певица наконец соглашалась спеть колядку летом, ее пение тем не менее сопровождалось смехом присутствующих. И пела она робко, оправдываясь, что «на полный голос ее не запоешь, потому, что скажут: сдурела что ли баба?!».

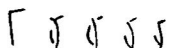
Зато в период зимних экспедиций традиционный обычай колядования и щедрования раскрыл себя во всем богатстве народной карнавально-игровой культуры.

⁸ По сообщению жителей Лепельского района Витебской области любимой игрой на зимние святки в северных районах Белоруссии продолжает оставаться «женитьба Терешки», инсценирующая настоящую свадьбу.

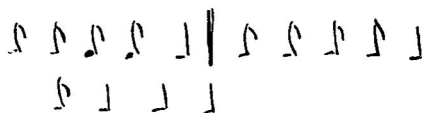
⁹ Заметим, что со свойственной народным певцам конкретной определенностью терминологии они употребляют здесь глагол «не ведется» (вместо не можем, не хотим, не умеем, не помним), как что-то, происходящее помимо их субъективного желания.

Для напевов колядок и щедровок (как и в целом песен, строго приуроченных к определенным датам и семейным обрядам) типична необычная емкость образной обобщенности.

Это типовые напевы, которые представляют собой лаконичную, неделимую, поразительно устойчивую мелодическую формулу, обобщающую несколько поэтических вариантов. Так, многочисленные поэтические варианты колядок, записанные мной в селах южного и юго-восточного Полесья, поются в основном на один типовой напев. (Нотный пример № 3). В основе его — неизменная ритмическая формула,

отмеченная, многими исследователями на материале песенной культуры различных славянских народов как типовая колядковая ритмоформула¹⁰. В нашем напеве поздравительных колядок ритмической структуре стиха 5+5+рефрен (4) соответствует дважды повторенная колядковая ритмоформула с характерным ритмическим перебоем в рефрене:

Ритмическая структура игровых колядок (см. нотный пример № 1) основывается на повторении колядковой ритмоформулы без рефрена.

Та же ритмоформула лежит и в основе типовых напевов большинства полесских щедровок.

Как особую выразительную окраску в зимних календарных напевах следует отметить стремление певцов завуалировать звук¹¹, а также различные звукоподражательные приемы (крик козы), связанные с разыгрываемыми театрализованными действиями. Тембровая нюансировка заставляет заиграть всеми гранями мелодическую формулу напева, повторяющуюся неизменно на протяжении длинного поздравительного или юмористического текста колядок и щедровок.

Только в естественных условиях бытования вместе с игровыми движениями и «игрой» голоса колядки в полной мере раскрывают красочность своего звучания.

Рассмотренные нами полесские колядки наглядно раскрывают неразрывную связь в народно-песенной практике, с одной стороны, стилевых особенностей песни, отражающих ее образное содержание, с другой — условий ее бытования, ее общественного назначения. Если каждый из таких напевов-символов возникает в сознании певца только в определенное время и при определенных обстоятельствах, то и в своем образном содержании он возрождается всякий раз только в определенном, отшлифованном веками звуковом облике.

Устойчиво сохраняя свою традиционную форму, вне которой они перестают быть символом определенного эмоционального состояния, колядки приобретают вместе с тем (как и обычаи, за которыми они закреплены) новые оттенки осмысления. В сознании народных певцов Полесья они живут полнокровной современной жизнью. Механически относить эти песни (как и другие народные обычаи и песни, независимо от времени их возникновения) к «архаике» — значит прежде всего обеднять творчество современное.

¹⁰ См., например, А. Потебня. Указ. раб.; К. Квитка, Об областях распространения некоторых типов белорусских календарных и свадебных песен, в сб.: *З. Э в а л ь д, Песни народов СССР. Белорусы, 1941.*

¹¹ По сообщению крестьян некоторых полесских сел (Лясковичи, Дуброва, Липляны), а также сел центральных районов Белоруссии (например, с. Кукавичи Несвижского района Минской области), особым мастерством в пении зимних календарных песен считается маскировка звука до такой степени, чтобы хозяин не узнал голоса поющих. Но, к сожалению, непосредственно наблюдать эту манеру пения нам не удалось.

Нотный
пример 1

$\text{♩} = 120$

По-то-то, ка-за, то-то-то, се-ра,
гзе-ти, ко-зань-ка, гзе-ти си-ба-ла?
а-ба-ри, ба-ри а-га-ки бра-ла.

Нотный
пример 2

$\text{♩} = 88$

а на-га-ри жи-та, ка-ла,
а на-га-ри жи-та жа-ла,
тро-хи са-се и о-бо-ма-ла.

Нотный
пример 3

$\text{♩} = 138$

у на-гзе-ле-нику по-ра-не-се-нику,
све-ти ве-тар
по-за-гад-ба-ли дсем на вой-не-нику,
све-ти ве-тар.